

БИБЛІОГРАФІА.

Основьяненко. *Сочиненіе* Григорія Данилевскаго. *Съ портретомъ Квитки, снимкомъ его почерка и домикомъ Основы.* Спб. 1856.

Задумавъ написать біографію Основьяненка, г. Данилевскій обратился къ лицамъ, знавшимъ покойника, съ просьбою сообщить ему, г. Данилевскому, какія нибудь извѣстія о харьковскомъ писателѣ. Нѣкоторые изъ этихъ почтенныхъ людей были такъ добры, что отвѣчали г. Данилевскому письменно; другіе сообщили ему нѣсколько писемъ, полученныхъ или писанныхъ Квиткою. Г. Данилевскій напечаталъ въ своей статьѣ эти письма, которая, такимъ образомъ, украсилась нѣсколькими хорошо написанными страничками, содержащими не лишеныя интереса и достовѣрныя извѣстія. Другіе, изъ бывшихъ знакомыхъ Квитки, рассказали г. Данилевскому (по словамъ г. Данилевскаго) нѣсколько анекдотовъ, въ томъ числѣ два-три любопытные. Г. Данилевскій пересказываетъ эти анекдоты. До какой степени соблюдена въ его пересказыванія точность, мы не знаемъ. Мы помнимъ только, что когда-то г. Данилевскій помѣстилъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» подробное описаніе Яновщицы, хутора Гоголя, и что потомъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» было доказано, что въ этомъ рассказѣ единственнымъ достовѣрнымъ извѣстіемъ должно считать увѣреніе г. Данилевскаго, что какой-то чумакъ, встрѣтившійся ему на дорогѣ, пѣлъ пѣсню:

Ой, у кума нчелы булы...

а все остальное—сплетеніе недосмотровъ, обмолвокъ и анахронизмовъ. Послѣ этого намъ кажется, что и новымъ рассказамъ г. Данилевскаго можетъ вѣрить только желающій. Впрочемъ, если и отбросимъ ихъ, біографіи Квитки не потеряетъ многого, потому что анекдоты эти неважны, да и во всей статьѣ интересны только пять-шесть недлинныхъ писемъ Квитки, его супруги, Загопкина, С. Т. Аксакова, г. Плетнева и г. Костомарова. Затѣмъ остаются собственные изысканія г. Данилевскаго; они, повидимому, стояли ему нѣкотораго труда. Если такъ, охотно похвалимъ давно уже пишущаго юношу за трудолюбіе; жаль только, что нельзя похвалить его за основательность. Каждая

фраза его показывает, что онъ не позаботился порядочно ознакомиться хотя съ самыми главными фактами исторіи нашей литературы, о которой пишеть. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ излагаетъ исторію малороссійской литературы до XVIII вѣка:

«Древнѣйшими памятниками степнаго нарѣчія (?) были, съ XI вѣка, отрывки въ сказаніяхъ *Нестора, Кирилла Туровскаго, Слова о Полку Игоря, Ефрема Сирина* (что за наборъ именъ!), въ грамотахъ князей владимірскихъ и галицкихъ и въ поученіи Владиміра Мономаха (*что за хронологія!*). Организованнымъ является оно въ Литовскомъ Статутѣ и въ Словарѣ Панвы Верыды, въ гетманскихъ универсалахъ и въ полныхъ лѣтописяхъ, какова известная лѣтопись Величко. Сюда же относятся: старинные акты Южной Руси, письма Мазены къ дочери Кочубея и два любопытные памятника: Кривка изъ лѣтописцевъ стародавнихъ, Оеодосія Сафоновича, 1672—1681 года, и *Изборникъ Святослава*. (!)

Кому хотя сколько нибудь знакомы эти имена, тотъ можетъ подивиться безотчетности въ ихъ подборѣ у г. Данилевскаго и забавнымъ анахронизмамъ, которыми наполненъ его перечень. Укажемъ лишь одинъ промахъ: «*Изборникъ Святослава*», памлтникъ XI вѣка, отнесенъ къ памятникамъ XVII вѣка. Откажемъ другихъ промаховъ предоставляемъ заняться самому г. Данилевскому. Это занятіе дастъ ему случай хотя сколько нибудь ознакомиться съ главными фактами и съ хронологіею русской литературы. Предупреждаемъ его только, что на каждой строкѣ своего отрывка, онъ найдетъ, по крайней мѣрѣ, пять промаховъ. Когда г. Данилевскій приступитъ къ изданію «*Полнаго собранія своихъ сочиненій*», въ чемъ мы не сомнѣваемся, то мы рекомендуемъ ему: перепечатавъ статью объ Основьяненкѣ, исключить изъ нея и этотъ отрывокъ. и все остальное, кромѣ писемъ Квитки, его супруги, Загоскина и гг. С. Т. Аксакова, Плетнева и Костомарова, какъ совѣтуемъ ему исключить изъ этого будущаго «*Полнаго собранія своихъ сочиненій*» и все остальное, что было имъ написано и напечатано до сихъ поръ. Рекомендуемъ ему также, прежде, нежели онъ приступитъ къ составленію общаею имъ біографіи Карамзина, годъ или два употребить на то, чтобы основательно изучить «*Руководство къ исторіи русской литературы*», изданное Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія: для начинающихъ эта книга очень хороша.

Когда г. Данилевскій познакомится съ этимъ полезнымъ руководствомъ, овъ, безъ сомнѣнія, оставитъ намѣреніе писать обширную статью «о малороссійскомъ философѣ» Сковородѣ, потому что онъ убѣдится въ совершенной незначительности этого «философа». А если бы г. Данилевскій заглянулъ въ «*Исторію русской литературы*», нами ему рекомендуемую, прежде, нежели принялся за составленіе своей статьи объ Основьяненкѣ, то мы были бы лишены удовольствіи читать письма объ Основьяненкѣ г. С. Т. Аксакова и другихъ и забавы читать разсужденія самого г. Данилевскаго объ этомъ предметѣ. Онъ узналъ бы, заглянувъ въ «*Руководство*», что Основьяненко вовсе не привадежитъ въ числу гѣхъ дѣятелей литературы, которые заслуживаютъ подробныхъ монографій. Объяснимся подробнѣе, для пользы г. Данилевскаго, потому что, по мѣткому выраженію одного изъ нашихъ критиковъ, посредственные и слабые писатели раздѣляются на нуждающихся въ порицаніи и на нуждающихся въ назиданіи; г. Данилевскій принадлежитъ къ числу послѣднихъ, и

ны не можемъ отказать въ полезномъ поученіи юношѣ, котораго г. Сенъ Жюльенъ—отъ кого слышалъ онъ это?—нѣкогда называлъ ученикомъ и преемникомъ Гоголя.

Основьяненко былъ человѣкъ добрый и почтенный по своей благонамѣренности. Но, къ сожалѣнію, онъ былъ человѣкъ довольно ограниченный и вовсе не талантливый. Есть люди, которые, не имѣя ни особеннаго ума, ни таланта, пишутъ романы довольно сносные для своего времени, потому что имѣютъ или образованіе, или наблюдательность. Въ примѣръ укажемъ на автора «Семейства Холмскихъ», автора романа «Дочь купца Жолобова». Если г. Данилевскому извѣстны эти произведенія, онъ согласится, что и по своему внутреннему достоинству они выше и произвели въ свое время на публику гораздо болѣе впечатлѣнія, нежели «Паня Халаявскій» и «Похожденія Столбикова». Слѣдовательно, ихъ авторы скорѣе Основьяненка имѣли бы право удостоиться подробныхъ монографій. А между тѣмъ—не правда ли?—смѣшно и подумать, что можетъ быть написано 128 страницъ о Бѣгичевѣ или Калашниковѣ. Слѣдовательно, объ Основьяненкѣ писать статью во 128 страницъ еще страннѣе. Для человѣка, знакомаго съ этими именами, тутъ не можетъ быть сомнѣній. По всей вѣроятности, г. Данилевскому неизвѣстны имена Бѣгичева и Калашникова, и, если хотите, онъ очень мало теряетъ отъ того, какъ мало потерялъ бы и тотъ, кому было бы неизвѣстно имя Основьяненка. Но дѣло въ томъ, что ваше назиданіе, вѣроятно, еще не говѣшь убѣдительно для него, но неизвѣстности ему Бѣгичева и Калашникова, онъ не можетъ быть увѣренъ, что эти безвѣстные писатели болѣе заслуживали бы прославленія, нежели Основьяненко. Нечего дѣлать, надобно изложить сущность дѣла, безъ всякихъ ссылокъ на факты, неизвѣстные автору изслѣдовація, и убѣдить его разборомъ фактовъ, ему извѣстныхъ.

Читалъ ли, напримѣръ, г. Данилевскій «Паня Халаявскаго», значительнѣйшее изъ произведеній Основьяненка?—Читалъ.—Прекрасно! Что же поражаетъ васъ въ этомъ романѣ съ первыхъ же строкъ самымъ неприятнымъ образомъ? Натянутое и нисколько не острое остроуміе, такого рода: нынѣ просвѣщенія стало больше—вотъ, напримѣръ, мой сосѣдь прорубилъ въ залѣ своей два новыхъ окна, чтобы просвѣщенія было больше; обхожденія нынѣ нѣтъ, потому что, напримѣръ, нашъ засѣдатель, когда у него обѣдаютъ гости, не обходитъ вокругъ стола съ просьбами кушать и пить, какъ обходили въ старину. И замѣтите, что каждый изъ этихъ каламбуровъ растянутъ на цѣлую страницу журнальнаго формата. Можете вообразить, каково впечатлѣніе этихъ семимильныхъ остротъ на читателя. Растянутасть у Основьяненка изумительная. Описавъ, какъ распространилось просвѣщеніе и вывелось обхожденіе, онъ говоритъ, что и воспитаніе дѣтямъ нынѣ даютъ не такое, какъ прежде—разумѣется, это опять острота—то есть нынѣ дѣтей не набиваютъ съ утра до ночи ватрушками и пампушками, какъ въ старину. Эта острота тянется на четыре страницы журнальнаго формата. Такъ написанъ весь романъ, такъ написаны всѣ произведенія Основьяненка. А какое правдоподобіе! Начать хотя съ того, что разсказчикомъ романа выведенъ старикъ, который, по пословицѣ, въ лѣсу выросъ, а безпрестанно этотъ дикій степнякъ сбивается на тонъ, какимъ могъ говорить только человѣкъ нынѣшняго вѣка и порядочнаго образо-

ванія; гдѣ ва свѣтѣ виданы глупцы, которые бы велѣли прививать дѣтямъ натуральную оспу? Гдѣ на свѣтѣ виданы фельдшеры, которые бы послушались такого приказавія? Гдѣ на свѣтѣ виданы дѣячки-учители, которые доказывали бы зажиточьянѣ панычамъ пользу грамоты гѣмъ, что «вотъ какъ выучишься, панычъ, грамотѣ, будешь писать поминальныя записочки о покойникахъ и будешь получать за то хорошия доходъ?» Вѣдь какъ бы ни былъ глупъ учитель, все же онъ знаетъ, что паныча этимъ не прельстишь. Какой малоруссъ—вѣдь они лучше другихъ народовъ знаютъ толкъ въ пѣши—станеть хвалить пѣвца «за скрипучиіи голосъ, отъ котораго морозомъ по кожѣ подираетъ?» Однимъ словомъ, на каждой строкѣ у Основьяненка—несообразности, и, кромѣ несообразностей, нѣтъ ничего: все вяло, приторно, пересолено, жеманно, натянуто и растянато. Но, быть можетъ, г. Данилевскому извѣстно, что нѣкоторые хвалятъ «Сердечную Оксану»? Не совѣтуемъ ему слушать этихъ людей: «Оксана» во сто разъ приторнѣе и натянутѣе «Пана Халавскаго». И нигдѣ нѣтъ у Основьяненка ни тѣни самостоятельности: большая часть страницъ его пропитана самымъ неловкимъ подражаніемъ Гоголю; на другихъ страницахъ онъ подражаетъ то Карамзину (въ «Бѣдной Лизѣ»), то г. Далю, то Загоскину, то какому нибудь второстепенному, нынѣ забытому романисту. Въ этой книжкѣ мы высказали свое мнѣніе о баронѣ Брамбеусѣ, какъ цѣнителѣ литературныхъ произведеній, и сказали, что, если онъ дѣлалъ промахи, говоря о произведеніяхъ, имѣющихъ художественное достоинство, то надъ произведеніями рѣшительно слабыми онъ умѣлъ подсмѣиваться. И слова его объ Основьяненкѣ, которыми такъ возмущается г. Данилевскій, совершенно справедливы:

Есть разнаго рода остроумія болѣе или менѣе несносныя; но самое несносное изъ всѣхъ—это провинціальное остроуміе. Эти глубокомысленныя наблюденія надъ человѣческимъ сердцемъ, дѣлаемая изъ-за плетня; эти черты нравовъ, подмѣченныя между маслобойнею и скотнынъ дворомъ; эти взгляды на жизнь, обнимающіе на зенномъ шартѣ великое пространство, пять верстъ въ радиусѣ; этотъ свѣтъ, составленный изъ шести сосѣдей; эти колвіе сарказмы надъ борьбою изящества и моды съ дегтемъ и саломъ; эти насмѣшки надъ новымъ и новѣйшимъ, которыхъ даже и не видно оттуда, гдѣ позволяютъ себѣ подшучивать надъ ними,—весь этотъ дрянныи, выдохлый губернский ядъ, котораго не боятся даже и мухи; и эти остроты, точенныя на приходскомъ оселкѣ; и эти стрѣлы, пущенныя со свистомъ и валяющіяся наземь, въ пяти шагахъ отъ носа стрѣлка; и эти смѣлые удары, съ трескомъ падающіе, вмѣсто общества, на лужу грязь, которая отъ нихъ только распыскивается на читателей; раны и язвы, наносимыя пороку съ той стороны, которой порокъ никогда не видитъ у себя, если стоитъ прямо передъ зеркаломъ. Все это можетъ казаться очень замысловатымъ какой нибудь армаркѣ, какому нибудь уѣзду, даже цѣлой губерніи, но не должно переходить за границы этого горизонта, подъ опасеніемъ быть принятымъ за пошлость и безвкусіе...

Напрасно г. Данилевскій не принялъ въ уваженіе этой вѣрной характеристики: съ рецензіями барона Брамбеуса о посредственныхъ или плохихъ книгахъ не худо справляться; о дурныхъ книгахъ онъ говорилъ почти всегда хорошо,—по крайней мѣрѣ, лучше и нельзя говорить о нихъ.

Но вѣдь Основьяненко пользовался уваженіемъ въ своемъ кружку? Ну, да, и вполне заслуживалъ этого уваженія, какъ человѣкъ добрый, пріятный собесѣдникъ, радушный хозяинъ, какъ человѣкъ, занимавшій, и не безъ пользы для общества занимавшій довольно почетное мѣсто въ губернскомъ кругу, на-

конецъ, какъ человѣкъ, искренно любившій свою родину и желавшій успѣховъ ся литературѣ.

Но вѣдь онъ считался однимъ изъ лучшихъ писателей на малороссійскомъ языкѣ? Вѣдь его малорусскія повѣсти до сихъ поръ имѣютъ въ Малороссіи почитателей? Да можно ли полагаться на сужденія ихъ? Вѣдь это или такіе люди, которые ничего лучше «Хаявскаго» и «Оксаны» не читывали, или люди, готовые прощать всѣ возможные недостатки книгъ, написанной на мнѣломъ для нихъ нарѣчій. А что касается до значенія Основьяненка въ ряду авторовъ, писавшихъ на малороссійскомъ нарѣчій, мы сказали бы, что не заслуживаетъ вниманія малорусская литература, если Основьяненко можетъ въ ней считаться, сравнительно съ другими, хорошимъ писателемъ. Но, къ счастью, это вовсе не такъ: малорусская литература имѣла писателей, дѣйствительно замѣчательныхъ, людей, которые занимаютъ высокое мѣсто въ русской литературѣ, и занимали-бъ его и тогда, если бы писали и на обыкновенномъ литературномъ языкѣ; и когда кто нибудь—только уже не г. Данилевскій, надѣемся—разскажетъ намъ объ этой малорусской отрасли русской литературы,—отрасли, достойной всякаго сочувствія, то упомянетъ кстати, что въ числѣ хорошихъ знакомыхъ того или другаго замѣчательнаго малорусскаго писателя былъ Г. Θ. Квитка, добрый и почтенный человѣкъ, любившій литературу и писавшій посредственныя произведенія подъ именемъ Основьяненка.

Лейтенантъ и Поручикъ, были времянь Петра Великаго, сочиненіе Константина Масальскаго. Дѣль части. Спб 1855.

Если вы старикъ, читатель, вы не обратите вниманія на «быль изъ времянь Петра Великаго», сочиненную г. К. Масальскимъ: имя этого писателя не соединено съ вашими воспоминаніями; если вы молоды, читатель, вы также не захотите читать «Лейтенанта и Поручика», зная, по бѣглымъ упоминаніямъ нъ журналахъ о г. Масальскомъ, только то, что онъ когда-то считался однимъ изъ самыхъ посредственныхъ нашихъ романистовъ; но если вы ни стары, ни молоды, вы—хотя тоже не будете читать «Лейтенанта и Поручика»—посмотрите на обертку этой «были» не безъ нѣкотораго умиленія: вы вспомните о томъ времени, когда вы, не только выучившись читать очень бѣгло, но и выучивъ четыре правила ариметики, двѣ-три главы грамматики до глаголовъ пли нарѣчій, басни «Лисица и Ворона», «Стрекоза и Муравей», начали чувствовать, что въ малевкомъ вашемъ сердцѣ, въ рѣзвой вашей головкѣ поселилась, постѣ прежнихъ потребностей въ пряникахъ и конфектахъ, въ дѣтскихъ играхъ, послѣ неугомонной шаловливости, неутомимой бѣготни, новая страсть—читать, читать... не грамматику и не басни Крылова, не «Русскую Исторію» г-жи Ишимовой—все это скучно, потому что писано для дѣтей—пѣть, читать книги, писанныя «для большихъ». Съ какою жадностью бросались вы, десятилѣтній мальчикъ, на романы, и какое наслажденіе доставляли намъ эти увлекательныя маленькіе томикки! это высокое наслажденіе доставляли намъ не тѣ романы, которыми восхищались ваши тетуски и старшіе, «большіе» братья: Марлинскій, Пушкинъ, Лажечниковъ, Зенaida Р-ва, Гоголь, Павловъ, князь Одоевскій, Вельтманъ,—все это было скучно для васъ; но какъ зани-

мательны были для васъ «Леонидъ, или нѣкоторыя черты изъ жизни Наполеона», «Юрій Милославскій», «Рославлевъ, или Русскіе въ 1812 году», «Тайственный Монахъ, или нѣкоторыя черты изъ жизни Петра I», «Паята-дочь Ледзейки, или литовцы въ XIV столѣтіи», и проч., и проч.! Ахъ, какъ интересны были эти книжечки! Нынѣ уже не пишутъ такихъ книгъ, скажете вы съ истинною грустью о нынѣшнихъ десятилѣтнихъ, двѣнадцатилѣтнихъ мальчишкахъ и дѣвочкахъ. Нѣтъ уже этой немудрой, но грамотной литературы: люди, не имѣющіе особеннаго таланта, но довольно начитанные и не лишены нѣкотораго умѣнья сочинять складно, не пишутъ нынѣ въ простотѣ души, какъ писалось въ старину: нѣтъ! они пишутъ свысока, гонятся за художественностью, за психологическими тонкостями, за анализомъ, за юморомъ, какъ будто все это ихъ дѣло, какъ будто все это имъ по плечу,—и пишутъ вещи, безтолковыя и скучныя для взрослыхъ, непонятныя и скучныя для дѣтей.

Не такъ писали въ старину: тогда, безъ всякихъ хитростей, половину страницъ романа выписывали изъ какой нибудь хорошей исторической книги—особенно богатый матеріалъ доставляла «Исторія» Карамзина—а другая половина наполнялась незамысловатыми, но очень трогательными или до уморительности смѣшными приключеніями какихъ нибудь Владиміровъ, Анастасій и Киршей. «Исторія» Карамзина написана прекрасно, стало быть, нѣтъ и спора въ томъ, что одна половина романа была хороша; а другая половина была еще лучше! Припомните только удивительно забавную сцену, какъ, обиженный Копычинскимъ, Юрій Милославскій, чуть ли не съ револьверомъ Кольта въ рукахъ и съ папирской въ зубахъ, въ наказаніе, заставляетъ хвастливаго пана Копычинскаго съѣсть, не переводя духа, огромнаго жаренаго гуся до послѣдней косточки; панъ Копычинскій давится, задыхается отъ объеденія, но ѣсть, ѣсть, ѣсть, а Юрій торопитъ его, наведя свой кольтовскій револьверъ прямо на лобъ наглого труса... ахъ, какъ это смѣшно! А какъ трогательна судьба Леонида, который борется съ своимъ личнымъ противникомъ Наполеономъ и побѣждаетъ его! Вѣдь Леонидъ и Наполеонъ были влюблены въ одну и ту же дѣвушку, и Наполеонъ шелъ въ Москву не съ другою цѣлью, какъ только отбить у Леонида невѣсту и жениться—злой! отъ живой жены, Маріи-Луизы, — на Полинѣ или Надинѣ, — не помнимъ ея имени, но помнимъ, что дѣло въ 1812 году шло собственно о томъ, кому «обладать Надиною» или Полиною—Леониду или Наполеону! Помните ли, какимъ жалкимъ человѣкомъ казался этотъ волокита Наполеонъ въ сравненіи съ своимъ соперникомъ, великодушнымъ и храбрымъ Леонидомъ? Зато вѣдь Леонидъ и побѣдилъ Наполеона, потому что, если вы помните, Наполеонъ былъ побѣжденъ никѣмъ другимъ, какъ имевво Леонидомъ! Какія замѣчательныя приключенія! Прибавьте къ этому чистый языкъ, чистую нравственность, и вы со вздохомъ скажете: да, для нынѣшней малолѣтней публики уже нѣтъ такихъ прекрасныхъ книжечекъ, какими услаждали насъ въ дѣтствѣ добрый Загоскинъ — гениій этой литературы—и другіе столь же добродушные и радушные дѣятели ея: г. Воскресенскій, г. Р. Зотовъ, г. Масальскій.

Да, вы ее забудете г. Масальскаго, потому что и онъ доставилъ вашему дѣтству столько же сладкихъ часовъ, какъ г. Р. Зотовъ. Какъ занимательны были его «Стрѣльцы», «Регентство Брона». Мы не можемъ теперь нѣ

ности припомнить содержанія этихъ романовъ, знаемъ только, что они были хороши; но лучшимъ его произведешемъ былъ, по нашимъ воспоминаніямъ, «Черный Ящикъ». Ужь одно начало чего стоитъ! Какой-то молодой провинціалъ, Карпъ Силычъ, цѣлый вѣкъ ходившій въ чуйкѣ, прѣѣхалъ въ Петербургъ и начнасть одѣваться по модѣ, установленной Петромъ Великимъ (романъ взятъ изъ эпохи Петра Великаго). Ему принесли кафтанъ, брюки, жилетъ, галстухъ. Онъ не знаетъ, какъ приладить эти нѣмецкія штуки на свое туловище; особенно затрудняетъ его жилетъ. Ужь подлинно, будетъ жалеть, кто станетъ надѣвать эту жалеть! восклицаетъ овъ, наконецъ рѣшаетъ, что жилетъ долженъ застегиваться на спинѣ. Послѣ этого надобно, чтобы сюртукъ и брюки также застегивались на спинѣ, и онъ надѣваетъ всѣ принадлежности костюма задомъ напередъ... Ахъ, какъ это смѣшно! Мы всѣ — и братцы, и сестрицы, и десятокъ нашихъ маленькихъ пріятелей — цѣлую недѣлю не могли безъ хохота вспомнить о томъ, какъ Карпъ Силычъ шелъ по улицѣ въ платьѣ, надѣтомъ задомъ напередъ, какъ высокій воротникъ сюртука подпиралъ ему бороду, какъ мальчишки бѣжали за нимъ съ хохотомъ и насмѣшками, какъ онъ пришелъ къ своему нареченному тестю — потому что Карпъ Силычъ прѣѣхалъ въ Петербургъ жениться — и какъ на вопросъ хозяина: отчего все платье на немъ надѣто задомъ напередъ? отвѣчалъ: «вѣтромъ перевернуло на улицѣ!»... Ахъ, какъ это смѣшно! А какъ страшно, когда — не помнимъ уже кто, Карпъ Силычъ или прекрасный юноша-офицеръ, влюбленный въ красавицу, на которой хочетъ жениться Карпъ Силычъ — ночью, при блескѣ молніи, отправляется на пустынный островъ или въ дремучій лѣсъ, — однимъ словомъ, въ какое-то мѣсто очень страшное, выкопать изъ-подъ земли таинственный «черный ящикъ», въ которомъ хранятся груды золота, съ участіемъ котораго соединена судьба красавицы-невѣсты! Превосходно! Никогда не бывало и не будетъ лучшаго, занимательнѣйшаго романа для такихъ читателей, какими въ то время были мы, нынѣшніе люди среднихъ лѣтъ.

И замѣйте, что этотъ романъ написанъ правильнымъ, грамотнымъ языкомъ. Какая разница съ «Совѣтдраломъ большимъ носомъ», съ «Георгомъ, мплордомъ аглицкимъ», съ «Францыскомъ Вонечаномъ», которыми въ дѣтствѣ воспитывался вкусъ нашихъ дядей и дѣдовъ! О, мы были дѣтьми въ счастливое для дѣтей время! Вѣчную признательность должны мы хранить къ гг. Р. Зотову, М. Восресенскому, К. Масальскому!

Теперь уже не тѣ времена! Что пишутъ и какъ пишутъ люди, наслѣдовавшіе талантъ этихъ почтонныхъ авторовъ? Они хотять раскрывать намъ сокровеннѣйшіе изгибы человѣческой души, пишутъ психологическія разеужденія въ лицахъ, толкують о развитіи, о борьбѣ страстей; они хотять блестяще остроумною прошею, хотять прославиться знаніемъ жизни и людей, хотять даже — о, ужасъ! — удивлять насъ художественными совершенствами своихъ твореній; они хотять быть Гоголями, Гончаровыми, Тургеневыми, Жоржъ-Сандами, Теккерееми, Диккенсами! Господа, будьте тѣмъ, чѣмъ создала васъ природа: будьте преемниками г. Р. Зотова, г. К. Масальскаго, и вы принесете свою долю пользы, и вы будете имѣть множество читателей, которые будутъ хвалить васъ. А теперь кто читаетъ и кто хвалитъ ваши психологическія и художественныя произведенія?

Подумайте объ этомъ совѣтѣ: его исполненіе принесетъ столько пользы вамъ, столько удовольствія тѣмъ читателямъ, которые еще не досрели до повѣстей съ различными ухищреніями въ психологическомъ и художественномъ родѣ. А какъ легко исполнить этотъ совѣтъ: подражать г. Р. Зотову к г. К. Масальскому гораздо легче, нежели подражать Гоголю, Теккерю или Жоржъ-Савду! И, если хотите, мы еще болѣе облегчимъ для васъ это дѣло. расскажем содержание и объяснимъ манеру романовъ, приносившихъ такую пользу въ старину. Кстати же, передъ нами лежитъ одинъ изъ этихъ романовъ.

Въ 1710 году, въ Петербургѣ, въ бревенчатой избѣ видѣли Александръ (по фамили Вѣтринь, по чину лейтенантъ) и Клавдій (по фамили Лановъ, по чину поручикъ). «Тому и другому собесѣднику было около двадцати-семи лѣтъ; оба считались рѣдкими красавцами. Всѣ дѣвушки влюблялись въ нихъ съ перваго раза». Они пьютъ венгерское и повѣряютъ другъ другу свои тайны. Клавдій говоритъ, что назначень походъ къ Выборгу; Александръ, восхищенный этимъ, объясняетъ, что тамъ найдетъ онъ свою невѣсту, шведку, которую узналъ, когда она съ отцомъ жила въ плѣну въ Петербургѣ, — теперь плѣнные отпущены на родину и живутъ въ окрестностяхъ Выборга. Друзья клянутся въ вѣчной дружбѣ, сливаютъ назадъ въ бутылку остатки венгерскаго, которое уже было разлито въ серебряныя чаши, запечатываютъ бутылку и обѣщаются не разрывать дружбы, пока не будетъ ими выпита эта бутылка. Потомъ описывается очошь подробно осада Выборга. Клавдій, фуражируя въ окрестностяхъ города, влюбляется въ Элеонору, у отца которой покупаетъ хлѣбъ. Она влюбляется въ Клавдія. Онъ везетъ къ ней своего друга: оказывается, что Элеонора та самая плѣнная шведка, о которой говорилъ Александръ. Такимъ образомъ оба друга влюблены въ одну дѣвушку, которая также равно любитъ ихъ обоихъ, не зная, кому отдать преимущество. Друзья часто готовы поссориться, но вспоминаютъ о запечатанной бутылкѣ и мирятся, наконецъ, оба вмѣстѣ, дѣлаютъ предложеніе отцу Элеоноры: «пусть она избираетъ изъ насъ того, кого болѣе любить». Элеонора говоритъ, что равно любитъ обоихъ. Друзья уѣзжаютъ домой и рѣшаются бросить жребій: по жеребью достается Александру уѣхать, Клавдію—жениться на Элеонорѣ. Александръ уѣзжаетъ и, возвратись черезъ два года, встрѣчаетъ милаго малютку—это сынъ Клавдія: сердечныя раны Александра раскрываются. Но вотъ бѣжать навстрѣчу другу Клавдій, ведетъ его насильно въ свой докъ, представляетъ его своей женѣ. Александръ поднимаетъ глаза—о, диво! о восторгъ! это не Элеонора, а Лиза, о которой не было и помину во все продолженіе романа. Элеонора плакала, когда Александръ уѣхалъ, и Клавдій женился на Лизѣ, а Элеонору сберегъ для друга. Вотъ ужъ подлинно другъ! Да, кстати, гдѣ же запечатанная бутылка? Она брошена въ Иматру, и, слѣдовательно, дружба Александра и Клавдія уже ненарушима.

Какая трогательная наивность въ изобрѣтеніи романа! Столько же милой наивности и въ изложеніи: идея и форма совершенно гармонируютъ между собою. Вотъ, на примѣръ, сцена между друзьями, когда они, въ пріятномъ вечернемъ разговорѣ и въ халатахъ, объяснились, на сонъ грядущій, относительно страсти, наводящей грусть на обоихъ. (Начинаетъ рѣчь Клавдій.)

— Сама, случай, что я тебѣ скажу: я люблю тебя, это ты знаешь! Люблю и Элеонору! Я перенюгу себя, чего бы ни́ это ни стоило, поння нашу давнюю, священную для нея дружбу! Я испытаю себя! Я увѣренъ, что уступлю тебѣ Элеонору. Конечно, я буду нвого и долго страдать; да что за бѣда!

— Нѣтъ, Клавдій, мой благородный Клавдій! я не хочу, чтобъ ты изъ-за нея страдалъ! Ты первый полюбилъ Элеонору, ты на нее болѣе нея имѣешь права. Пусть буду я страдать, а ты будь счастливъ. Ты достоинъ этого!

— А если я самъ хочу страдать, если ни́ это нравится? Не обижайся, Саша, если я тебѣ скажу, что я тверже тебя, что ни́ легче будетъ перенести страданіе. Да что тутъ долго толковать! Я тебѣ уступаю Элеонору.

Вѣтринъ заеветалъ какой-то маршъ и съ мужественнымъ, спокойнымъ лицомъ началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Ты мнѣ уступаешь Элеонору... мрачно проговорилъ Лановъ.—Нѣтъ, это невозможно! Этого я не хочу! Развѣ я не такой же другъ тебѣ, какъ ты мнѣ? Я не долженъ уступать тебѣ въ благородствѣ, Клавдій! Иначе ты перестанешь уважать меня, а тогда не можешь остаться мнѣ другомъ! Пусть страдаетъ, пусть разрывается мое сердце. Я забуду Элеонору! Будь счастливъ съ нею, мой великодушный, благородный другъ!

Друзья заплакали и сжали другъ друга въ объятіяхъ. Отъ сильныхъ чувствъ, которыя ихъ волновали, ни тотъ, ни другой не могъ вымолвить болѣе ни слова. Вѣтринъ сваялъ халатъ и сапоги и легъ въ постель. Лановъ едѣлалъ тоже.

Какая умилительная борьба великодушія! Истинно, этотъ отрывокъ напоминаетъ заключеніе басни, которую у казака Луганскаго и́мецъ-губернеръ написалъ для своихъ воспитанниковъ: «Сія басня научиваетъ, что другой былъ великодушнѣе одного, а послѣдній великодушнѣе перваго.» И какъ восхитительно заключается эта патетическая сцена дивнымъ заи́ччаніемъ: «Вѣтринъ снялъ халатъ и сапоги и легъ въ постель. Лановъ сдѣлалъ тоже.» О, не сравненное, гениальное простодушіе!

Что лучше этой повѣсти можетъ быть придумано для читателей того интереснаго возраста, когда отъ ариметики переходить къ романамъ, отъ романовъ къ игрѣ въ лапу или въ мячъ? Она показалась бы чрезвычайно занимательна этимъ читателямъ; но—увы!—она не дойдетъ до рукъ ихъ, потому что дѣти не приобретаютъ книгъ по своему выбору: они только берутъ книги, какія находятъ въ библіотекахъ своихъ взрослыхъ родныхъ и знакомыхъ; а кто изъ этихъ родныхъ и знакомыхъ почтетъ нынѣ нужнымъ украсить свою библіотеку «Лейтенантомъ и Поручикомъ»?—И что нынѣ бѣдные читатели, равно любящіе мячъ и романы, найдутъ въ этихъ библіотекахъ, за исключеніемъ повѣстей гг. Говчарова, Григоровича, Л. Н. Т., Тургенева и немногихъ другихъ? что найдутъ они, кромѣ этихъ повѣстей, которыя слишкомъ не подь силу дѣтскому уму и дѣтскому вкусу? Вѣдныя дѣти нынѣшняго времени! Пожалуйте ихъ, господа подражатели Григоровича и Тургенева! Перестаньте тянуться вслѣдъ за этими писателями: это слишкомъ трудно. Оставьте, подражайте лучше г. Р. Зотову и К. Масальскому: они были равны вамъ по таланту, но писали занимательно, хотя для нѣкотораго класса публики, потому что не имѣли вашихъ претензій; подражайте же имъ, и если люди, перешедшіе эпоху простодушія, по прежнему не будутъ читать васъ, то никто не будетъ и осуждать васъ; напротивъ, многіе будутъ читать васъ съ удовольствіемъ.

Но нѣтъ, это невозможно! Въ мірѣ не осталось уже нынѣ романистовъ и нувеллистовъ наивныхъ, которые, по выраженію реторики Кошанскаго, «пи-

гали, какъ умѣли, наудачу»: каждый нынѣ имѣеть претензіи на глубокомыслие, на наблюдательность, на художественность, не думая о томъ, что лучше написать «Лейтенанта и Поручика», нежели... однако, къ чему приводить примѣры? Каждый читатель припомнитъ десятки ихъ, а писатели, въ примѣры которымъ ставимъ мы г. Р. Зотова и г. К. Масальскаго, вѣроятно, сами твердо помнятъ названія своихъ произведеній.

Мѣсяцословъ на 1856, выноносный годъ. Съ портретомъ Ею Величества Государя Императора. Спб.

Составъ Академическаго Календаря на 1856 годъ почти тотъ же самый, какой имѣли календари предъидущихъ лѣтъ. Измѣненія, сравнительно съ «Мѣсяцословомъ» предъидущаго года, незначительны. Они состоятъ въ томъ, что, вмѣсто статьи прошлогодняго календаря о лѣтосчисленіи и таблицъ народонаселенія Россійской имперіи, великаго княжества Финляндскаго и царства Польскаго по уѣздамъ, помѣщены два новые списка: 1) дни, въ которые совершаются крестные ходы въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и окрестностяхъ С.-Петербурга; 2) алфавитная роспись святыхъ, находящихся въ полномъ мѣсяцословѣ, съ показаніемъ времени, когда память ихъ празднуется православною церковію. Послѣдняя роспись особенно полезна для справокъ: «Полный Мѣсяцословъ» нынѣ сталъ довольно рѣдкою книгою, и, дѣйствительно, было необходимо перепечатать въ «Академическомъ Мѣсяцословѣ» эту статью, придававшую главное достоинство «Полному Мѣсяцослову».

Около восьмисотъ мужскихъ и двухсотъ женскихъ именъ внесены въ этотъ алфавитный списокъ. Изъ нихъ многія, особенно мужскія имена, встрѣчаются въ календарѣ по нѣскольку, многія даже по десяти и болѣе разъ втеченіе года. Такъ, по 11 разъ встрѣчаются Антоній, Асанагій, Зянонъ. Маркъ, Спмеонъ, Теофилъ; по 12-ти разъ: Андрей, Кирилль и Михайль; по 13 разъ—Діонисій; 14—Георгій; 15—Василій, Іуліанъ и Максимъ; по 17 разъ: Григорій, Іаковъ и Стефанъ; 19—Павель; наконецъ Александръ—21 разъ. Θεодоръ—27, Петръ—30, а Іоаннъ даже 61 разъ. Изъ женскихъ именъ только Оеодора встрѣчается 8 разъ, Анна—9 и Марія—10 разъ.

Крестныхъ ходовъ совершается въ Петербургѣ, ежегодно, 8, въ окрестностяхъ Петербурга—11, въ Москвѣ—13.

Изъ двухъ лунныхъ затмѣній 1856 года въ Европейской Россіи будетъ видимо только частное лунное затмѣніе 1—2 октября (по петербургскому среднему времени, начало его будетъ въ 11 часовъ 22 мин. вечера, а конецъ въ 2 ч. 28 м. утра). Изъ двухъ солнечныхъ затмѣній (полное, 24 марта, и кольцообразное, 17 сентября) ни то, ни другое въ Европейской Россіи не будутъ видимы.

Списокъ малыхъ планетъ, обращающихся между Марсомъ и Юпитеромъ. втеченіе 1855 года увеличился четырьмя новооткрытыми астероидами, именно: Шакорнакъ (въ Парижѣ) 6 апрѣля открылъ Цирцею, Лутерь (въ Билкѣ) Левкотею, и, въ одинъ и тотъ же день, 5 октября, Лутерь открылъ Фидесу. а Гольсмитъ (въ Парижѣ) Аталанту. Такимъ образомъ, къ началу 1856 было извѣстно уже 37 астероидовъ.

Изъ таблицы о числѣ родившихся, сочетавшихся бракомъ и умершихъ лицъ православнаго исповѣданія въ Россійской имперіи за 1853 годъ видимъ, сравнительно съ 1852 годомъ, значительное увеличеніе по всѣмъ итогамъ: такъ,

	1852	1853
родилось	2,491,400	2,672,154 человѣка
сочеталось бракомъ.	508,770	523,593 пары
умерло	1,739,105	2,094,677 человѣкъ.

Общаго итога по всѣмъ вѣроисповѣданіямъ за 1853 годъ еще нельзя составить, по недостатку свѣдѣній о лицахъ реформатскаго исповѣданія.

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ движеніе населенія въ 1854 г. представляло слѣдующія цифры:

	въ С.-Петербургѣ	въ Москвѣ
родилось	16,701	10,147 человѣкъ
бракомъ сочеталось ..	3,068	1,619 паръ
умерло	22,473	15,239 человѣкъ.

Сравнивая таблицы, показывающія возрастъ умершихъ, мы видимъ, что, хотя населеніе Петербурга (532,241) почти вполтора раза больше, нежели населеніе Москвы (373,800), но число лицъ, доживающихъ до преклонной старости, въ Москвѣ значительнѣе, нежели въ Петербургѣ. Такъ было въ 1854 г.

	Въ С.-Петербургѣ.	Въ Москвѣ
умершихъ въ возрастѣ 70—75 лѣтъ	286	318
» » 75—80 »	186	271
» » 80—85 »	91	131
» » 89—90 »	46	63
» болѣе 90 лѣтъ	19	34.

Приводя главные итоги изъ вѣдомостей о числѣ учащихся за 1854 г., сравнимъ ихъ съ итогами за 1853 годъ, которые были сообщены прошлогоднимъ календаремъ.

Учащихся по Министерству Народнаго Просвѣщенія:

	1853 г.	1854 г.
1) въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ учрежденіяхъ	4,110	4,130
2) всего по Министерству Народнаго Просвѣщенія	121,193	122,553
въ царствѣ Польскомъ	83,114	82,999
по вѣдомству Министерства Государственныхъ Имуществъ	153,275	170,573.

Сравнимъ также вѣдомости о количествѣ металловъ, добытыхъ въ 1853 и 1854 г.

	1853 г.	1864 г.
золота	1,398 п. 21 ф. 93 з.	1,581 п. 24 ф. 74 зол.
серебра .	983 > 11 > 19 >	1,036 > 25 > 73
платины	61 > 11 > 14 >	27 > 3 >
мѣди	394,549 п.	390,818 п.
свинца	40,003 >	110,916 >
чугуна	14,517,524 >	14,148,651 >
стали	53,974 >	67,522 >
желѣза .	12,092,088 >	11,598,805
разныхъ металлич.. издѣлій	2,268,723 >	2,177,038 >

Думы современной Россіи. Александры Ступиной. Слб. 1855.

Изъ двѣнадцати стихотвореній, изданныхъ нынѣ г-жею А. Ступиной, едва ли не лучше другихъ слѣдующее:

Счастливъ, кто безъ урагана
Океанъ переплываль,
Чей на высяхъ горъ Ливана
Взоръ усталый отдыхаль!
Да, кто врѣлъ васъ, исполины,
Чей привѣтствовалъ васъ стихъ,
Тотъ божественной картины
Обрученный былъ женихъ

(выраженіе, довольно темное).

Кто жь съ молитвой головою
Къ вашимъ кланялся пятамъ,
Кто потомъ гулялъ пятою
По заоблачнымъ главамъ

(эти четыре стиха содержатъ замысловатую игру словами),

Тотъ любимый другъ природы,
Тотъ земли и неба другъ

(почему же это? Развѣ друзья, которые ходить по Ливану и кланяются, друзья неба и земли? Напротивъ, это самый буйный народъ... Виноваты: мы также начали довольно замысловато играть словами).

Онъ подь пѣсня непогоды
Съ ней вѣнчался, какъ супругъ....

(какимъ же это образомъ? и съ кѣмъ «съ нею?» съ непогодю, или съ землею. или съ небомъ?)

Остальные одиннадцать пѣсень только немногимъ уступаютъ этому, свидѣтельствуя объ умѣннѣ г-жи А. Ступиной писать звучные стихи. Но дѣло не въ достоинствѣ стиховъ, а въ томъ, что воспоминанія г-жи А. Ступиной

о томъ, какъ она жила въ Бейрутѣ, ходила по заоблачнымъ главамъ Ливана, и проч., едва ли могутъ назваться, въ строгомъ смыслѣ слова, «Думами современной Россіи»: скорѣе, это думы одной изъ русскихъ дамъ о случаяхъ и предметахъ, лично до нея касающихся.

Правила составленія употребительнѣйшихъ въ строительномъ искусствѣ мастивъ и проч., сочиненіе И. Лейкса. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1856.

Книжка Лейкса написана, сколько можемъ судить, съ знаніемъ дѣла. Переведена она грамотнымъ языкомъ. Жаль только, что ей дано широкоформатное заглавіе, занимающее въ полномъ своемъ составѣ не менѣе шести строкъ; жаль также, что выставленная на оберткѣ цѣна—75 коп. сер.—своею несоразмѣрностью съ объемомъ книжки слишкомъ ясно разоблачаетъ цѣль многозначительнаго заглавія.

Гражданскіе законы Псковской Судной грамоты. Сочиненіе И. Энгельмана. Спб. 1855.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, мы говорили объ изслѣдованіи Псковской судной грамоты, изданномъ г. Ф. Устряловымъ, сыномъ извѣстнаго историка; это сочиненіе было написано на тему, предложенную студентамъ С.-Петербургскаго Университета отъ Юридическаго факультета этого университета. Теперь является другое сочиненіе, удостоенное медали на этомъ конкурсѣ. То и другое разсужденія неоспорно показываютъ авторовъ своихъ людьми, которые уже привыкли трудиться усердно и добросовѣстно.

Г. Энгельманъ, ограничивая свое изслѣдованіе тѣми предѣлами, которые опредѣлены темою, предложенною отъ факультета, говоритъ исключительно о тѣхъ статьяхъ Псковской Судной грамоты, которыя имѣютъ предметомъ гражданскіе законы; другихъ ея статей онъ касается только въ случаѣ неразрывной ихъ связи съ постановленіями относительно гражданскихъ законовъ. Объясненія его большею частью основательны и многія изъ догадокъ удачны.

Указатель для обозрѣнія Московской Патріаршей (нынѣ Синодальной) Ризницы и Библіотеки. Составленъ синодальнымъ ризничимъ, магистромъ, архимандритомъ Саввою. Москва. 1855.

Патріаршая, или Московская Синодальная Библіотека есть одна изъ важнѣйшихъ въ Россіи, по количеству и древности своихъ рукописей; соединенная съ нею Патріаршая Ризница также богата утварями и вещами, въ высшей степени замѣчательными. Потому архимандритъ Савва, издавъ краткое описаніе важнѣйшихъ вещей и духовныхъ рукописей, хранящихся въ этомъ драгоценномъ собраніи, оказалъ довольно значительную услугу русскимъ археологамъ и людямъ, занимающимся исторіею литературы. Рукописей, по каталогу библіотеки 1824 года, значится: греческихъ 467, русскихъ 956; въ числѣ послѣднихъ находится 96 пергаментныхъ и 20 бомбициновыхъ, писан-

ныхъ на хлопчатой бумагѣ, Кромѣ того, жалованныхъ грамотъ п проч. 208. Послѣ 1824 года въ библіотеку передано еще нѣсколько рукописей и, между прочимъ, знаменитый «Изборникъ Святослава» (1073 г.), одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ кирилловской письменности. Мы будемъ еще имѣть случай подробнѣе говорить о рукописяхъ Московской Синодальной Библіотеки, потому что надняхъ уже получена въ Петербургѣ первая часть описанія славянскихъ ея рукописей, составляемаго профессорами А. В. Горскимъ и К. И. Новоструевымъ.

О плѣнныхъ по древнему русскому праву. А. Лохвицкаго. Москва. 1855.

Г. Лохвицкій основательно обработалъ специальный вопросъ, имъ выбранный, внимательно воспользовавшись всѣми данными, какия представляются «Полнымъ Собраніемъ Законовъ», и различными изданіями Археографической Коммиссіи. Сводъ извѣстій о состояніи плѣнниковъ по законамъ до-петровской Руси «очень и полонъ»; авторъ удерживается отъ всякихъ общихъ выводовъ и не имѣетъ, повидимому, никакихъ другихъ претензій, кромѣ скромнаго желанія ясно и въ систематическомъ порядкѣ изложить факты. Подобные труды всегда бываютъ полезны и заслуживаютъ уваженія.

Историческія свѣдѣнія о примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ въ Бѣлоруссіи, съ присвокупленіемъ и другихъ свѣдѣній, къ ней же относящихся. Составлены генералъ-майоромъ М. О. Безъ-Корниловичемъ. Спб. 1855.

Просмотрѣвъ довольно толстую книгу, изданную г. Безъ-Корниловичемъ, мы убѣдились въ вѣрности предположенія, которое будетъ внушено каждому читателю самымъ заглавіемъ «историческихъ свѣдѣній» и т. д. Г. Безъ-Корниловичъ не имѣлъ въ виду изслѣдовать еще недостаточно объясненные вопросы въ исторіи Бѣлой Руси, писалъ не для ученыхъ: нѣтъ, онъ просто собралъ изъ исторіи Карамзина, исторіи «Отечественной Войны 1812 года» Михайловскаго-Данилевскаго и нѣкоторыхъ другихъ сочиненій извѣстія, касающіяся того или другаго города, того или другаго села въ Бѣлоруссіи, расположилъ эти извѣстія по порядку времени, и, такимъ образомъ, у него составились историческія статейки о Витебскѣ, Дялябургѣ, Могилевѣ и проч., — статейки, изъ соединенія которыхъ вышла, какъ мы сказали, довольно толстая книга, по всей вѣроятности, не бесполезная для тѣхъ, у кого подъ руками нѣтъ хорошаго собранія книгъ по русской исторіи.

Мельница близъ села Ворошилова, простонародный разсказъ дяди Ловнасія. Спб. 1856.

О томъ, до какой степени удалось автору выдержать простонародный и простодушный тонъ разсказа, читатель можетъ судить изъ слѣдующаго отрывка:

«Недалеко отъ большаго села, персидя на широкое поле, въ березовой рошѣ надъ узкой, во глубокой рѣчкѣ стояла водяная мельница. Тутъ же рядомъ построена

была просторная, свѣтлая изба съ узорчатыми окнами; а сверху, между двумя рѣзными столбиками, помѣщалась хорошенькая свѣтелка. Изба и мельница стояли на краю большаго лѣса, второй тянулся вправо и влѣво на нѣсколько десятковъ версть, почитай до самой губерніи. Мимо этой мельницы пролегла проѣзжая дорога изъ села. перебѣгала черезъ плотину и въ лѣсу уже расходилась въ разныя стороны.

«На мельницѣ жилъ старикъ, не старикъ, а уже и не молодой человѣкъ, крестьянинъ Нванъ Терентьевъ Вырезубовъ, съ хозяйкой Матвѣвной я красавицей дочкой Малашей. Опречь семьи, держалъ Терентьичъ двухъ работниковъ и работницу. Надо вамъ сказать, что Вырезубовъ былъ очень богатъ, въ тому отличный мельникъ, такъ что всегда у него было человѣкъ пять прѣзжихъ изъ далевихъ деревень для помолу; но главное—онъ нъ рохъ не бралъ хмѣльнаго и не любилъ, чтобы и въ дѣлѣ была эта поведенщъ».

Содержаніе разсказа довольно просто. Красавица Малаша полюбила ящика Андрея Голыша; но отецъ просваталъ ее за богатаго мѣщанина, который съ отцомъ своимъ льстился на приданое, а не на дѣвушку. Передъ свадьбою случился пожаръ на мельницѣ, и Терентьичъ, вздумавъ испытать будущихъ родственниковъ, сказалъ, что всѣ деньги его сгорѣли, и попросилъ въ займы на постройку новой мельницы. Богатые мѣщане отказали въ помощи и отказались отъ невѣсты-безприданницы; но скрипачъ Яковъ безродный, отецъ Андрея, бывшій тутъ, предложилъ Терентьичу свои послѣдніе двѣнадцать цѣлковыхъ. Раздосадованный мѣщанами, тронутый добротою бѣдняка, Терентьичъ согласился отдать дочь за Андрея и, ударивъ по рукамъ съ нареченными своякою и зятемъ, объявилъ, что пожаръ вовсе не раззорилъ его, деньги остались цѣлы, мельницу онъ построить лучше прежняго и принимаетъ къ себѣ полными участниками своего довольства и Андрея и Якова, которые на дѣлѣ доказали ему свое расположеніе.

Разсказъ этотъ написанъ для народа, съ бытомъ котораго дядя Аеанасій хорошо знакомъ.

Православныя и другія христіанскія церкви въ Турціи. И. Березина. Слб. 1855.

Дѣльно составленная и довольно интересная брошюра. Авторъ разсматриваетъ причины прискорбнаго положенія христіанъ въ Турціи, излагаетъ исторію законовъ, которыми опредѣлялись въ различныхъ времена ихъ обязанности къ турецкому правительству, и обнаруживаетъ отношенія, существующія между послѣдователями различныхъ христіанскихъ исповѣданій. Мнѣнія свои о первоначальной причинѣ настоящаго бѣдственнаго положенія гяуровъ онъ излагаетъ такъ:

«Заставъ Византійскую имперію во времена почти общаго упадка нравственности, кочевая орда завоевателей, по преданію отъ первыхъ воителей ислама, не могла возымѣть особеннаго почтенія къ истинной религіи, представители которой передъ глазами мусульманъ были такъ слабодушны и развращенны: очень естественно, что свѣжее, здоровое племя воителей повѣрило своему мусульманскому превосходству и только нъ исламѣ видѣло спасеніе.» (Стр. 2.) «Безъ всякаго сомнѣнія, въ настоящемъ положеніи восточныхъ христіанъ виновата болѣе всѣхъ сама Порта, потомъ рамскіе католики, а наконецъ сами греки (своею взаимною враждою); менѣе всѣхъ виновны туземные христіане (то есть славяне, румыны и прочіе), и, между тѣмъ, на

нихъ-то тяжелѣе всего обрушиваются печальныя слѣдствія раздора. Пламеннѣе другихъ пылаютъ другъ въ другу вѣжависто римскіе католики и греки, армяне также враждуютъ преимущественно съ греками.» (Стр. 24.)—Понятно, что каждое исповѣданіе считаетъ себя и хочетъ быть первымъ всюду, что каждая одновѣрная съ нимъ нація поддерживаетъ его всѣми силами; но не можемъ не оплакивать и не осуждать той безумной вражды, въ которую столь часто, къ великому соблазну цѣлаго міра, впадаютъ соперники, и тѣтъ неблагородныхъ и пагубныхъ средствъ, къ которымъ иногда прибѣгаютъ они.» (Стр. 38.)

Довольно подробная исторія турецкихъ законовъ относительно подданныхъ Оттоманской имперіи и борьбы между христіанами различныхъ вѣроисповѣданій подтверждаетъ эти справедливыя мысли.

Описаніе хронологической машины А. Головацкаго, составленное академикомъ Вишневымъ. Спб. 1855.

Каждому занимавшемуся хронологическими изысканіями извѣстно, какъ много времени отнимаетъ повѣрка лѣтописныхъ показаній, основанныхъ на пасхалии. Машина г. Головацкаго, удостоенная Демидовской преміи, имѣетъ цѣлью облегчить прискиваніе всѣхъ данныхъ, зависящихъ отъ времени празднованія Пасхи, для каждаго даннаго года. По отзыву академика Вишневаго, «практическое употребленіе машины очень просто»: стоитъ только нанести стрѣлки циферблата на цифру даннаго года, и на таблицахъ машины отмѣчены будутъ дни празднованія Святой Пасхи, Вознесенія, начало Великаго поста, цифра, опредѣляющая воскресные дни года, и проч. Охотно вѣримъ, что машина дѣйствуетъ быстро и вѣрно,—и, если такъ, г. Головацкій разрѣшилъ довольно трудную задачу практической механики, построивъ свою «хронологическую машину». Но цѣна и массивность этого числительнаго снаряда всегда будутъ значительныи препятствіемъ его распространенію между учеными, занимающимися хронологіею. Потому, несмотря на свои достоинства, хронологическая машина г. Головацкаго не уничтожаетъ настоящей потребности въ пасхальныхъ таблицахъ, приспособленныхъ къ практическому употребленію для повѣрки хронологическихъ показаній. Громадныя и сбивчивыя таблицы г. Хавскаго—трудъ почтенный, но не достигающій своей цѣли. Между тѣмъ, составленіе пасхальныхъ таблицъ, какія нужны для нашихъ историковъ, не представляетъ ни малѣйшихъ затрудненій. Праздникъ Пасхи, отъ котораго зависятъ всѣ данныя года, переходитъ по 35 днямъ года: въ каждой изъ этихъ случаевъ годъ можетъ быть простой или высокосный. Такимъ образомъ нужно только составить для каждаго изъ этихъ 70 случаевъ полный списокъ всѣхъ 365—366 дней года, съ обозначеніемъ воскресныхъ дней и праздниковъ, какъ это дѣлается въ стѣнныхъ календаряхъ; каждая изъ 70 таблицъ, напечатанная компактнымъ шрифтомъ, помѣстится на одной страницѣ. Къ этимъ 70 страницамъ таблицъ нужно прибавить списокъ годовъ отъ Р. Х. до 1800 или 1900 года, съ обозначеніемъ, подл. какую изъ 70 таблицъ подходитъ годъ въ пасхальномъ отношеніи, и всѣ справки о каждомъ данномъ годѣ становятся столь же удобными и легкими, какъ справки о 1856 годѣ въ «Мѣсяцословѣ» на 1856 годъ: стоитъ взглянуть въ списокъ годовъ, какаѣ таблица представляетъ пасхальныя цифры дан-

наго года, потомъ раскрыть эту таблицу—и передъ нами будетъ готовый полный мѣсяцословъ этого года. Проще и легче ничего не можетъ быть, и, чтобы составить эти таблицы, довольно двухъ-трехъ дней времени. Хорошо было бы, еслибъ кто нибудь составилъ и издалъ такую тетрадку, которая, имѣя не болѣе 80 страничекъ, съ пользою замѣнитъ всѣ пасхальныя машины и всѣ фоліанты, массивность которыхъ ведетъ только къ затрудненіямъ и ошибкамъ.

Ломъ и правда о войнѣ на Востокѣ. *Сочиненіе* Виктора Жоли, редактора журнала *Санхо*. Перевелъ съ французскаго Е. Серчевскій. *Сѣб. 1855.*

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ мы говорили о переводѣ сочиненія, изданнаго по случаю восточной войны Викторомъ Жоли, и вотъ, черезъ мѣсяць, является другой переводъ той же брошюрки. Не явится ли къ слѣдующему мѣсяцу третій?

Оба перевода сдѣланы грамотно; мы замѣтили только, что правописаніе иностранныхъ именъ болѣе пострадало подъ перомъ г. Серчевскаго: онъ пишетъ «Санхо, Кантю, Хатти-Шеривъ», вмѣсто Санчо, Канту, Хатти-шерифъ. Изъ этого, однако, мы не выводимъ никакихъ заключеній въ ущербъ его переводу, вообще, кажется, довольно правильному.

Правила конюшеннаго хозяйства или обязанности нучера. *Сочиненіе мастера* О. О. Пашкевича. *Сѣб. 1855.*

Вотъ, говорите, что русская литература есть оранжерейное растеніе, что она не пустила еще глубокихъ корней въ народную жизнь, что наши книги пишутся для горсти читателей, не имѣющихъ почти ничего общаго съ массою народа, и проч., и проч. Всѣ эти метафоры, заимствованныя изъ царства растеній и относящіяся, въ прямомъ смыслѣ, только къ міру прозябаемому, оказываются пустыми фразами, рожденными ипохондріею. Надняхъ вышла книжка «Наставленіе дворникамъ». Мы, признаемся въ проступкѣ, не сочли нужнымъ давать отчетъ о ней въ нашей лѣтописи. Нынѣ является наставленіе конюхамъ, черезъ недѣлю надобно ждать наставленія швейцарамъ, еще черезъ недѣлю—наставленія трактирныхъ служителямъ, и т. д. Я васъ спрашиваю, г. скептикъ: для кого же написаны и будутъ написаны эти книжки, если не для народа? Я васъ спрашиваю: не служатъ ли онѣ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что литература у насъ есть дѣло народной жизни, глубоко пустила свои корни въ народную жизнь? Отвѣчайте же, г. скептикъ!

Я, кажется, вошелъ въ паеосъ! Не знаю, до чего бы я увлекся этимъ одушевленіемъ въ защиту нашей литературы отъ скептиковъ; но, къ счастью, моя горячность охлаждается тѣмъ, что «Правила конюшеннаго хозяйства»—наборъ общихъ и вѣстныхъ и пустыхъ фразъ, давно извѣстныхъ не только людямъ, имѣющимъ «конюшенное хозяйство», но и людямъ, отъ роду не умѣвшимъ отличить рысака отъ иноходла.

Веселый карандашъ или свѣтъ и тѣни современности въ рисункахъ. Стб. 1856.

Болѣе жалкой спекуляціи на пятаки полуграмотныхъ людей мы уже давно не выдвали. Не говоримъ уже о необыкновенно грубомъ исполненіи рисунковъ, которые, повидимому, нацарапаны тупымъ долотомъ на лубкѣ. самое содержаніе ихъ—верхъ коварства. Полуграмотному продадутъ ихъ за карикатуры, относящіяся къ современной войнѣ; а прочтѣвъ по складамъ подписи рисунковъ, онъ пойметъ, что они представляютъ мальчика, «промотавшаго деньги на парижской всемірной выставкѣ. Какъ это случилось, отгадавайте сами.

Очеркъ исторіи православной церкви на Волыни. Сочиненіе Платона Карашевича. Стб. 1855.

Авторъ, безъ всякаго сомнѣнія, употребилъ довольно времени и труда на составленіе этого очерка; онъ, какъ по всему видно, обрабатывалъ его прилежно и добросовѣстно, и не его вина, если «Исторіи православной церкви на Волыни» не представляетъ множества интереснѣйшихъ фактовъ: чего не можетъ дать предметъ, того не вложитъ въ книгу трудолюбіе автора. Исторія православной церкви на Волыни—не болѣе, какъ часть исторіи православія въ Малороссіи: что происходило въ Кіевѣ, то повторялось на Волыни, и только; особеннаго ничего мы не въ состояніи сказать о волынскихъ епархіяхъ, какъ не можемъ сказать ничего особеннаго объ исторіи православныхъ епархій калужской или тульской, тамбовской или орловской. Очень важна интересна исторія православной церкви въ Великороссіи; но еслибъ мы вздумали писать исторію православной церкви въ Тульской епархіи, намъ поневолѣ пришлось бы дѣлать общія и, по своей общезвѣстности, нимало не интересные для науки извлеченія изъ сочиненій по исторіи русской церкви вообще, и потомъ прибавлять «то же самое было, конечно, и въ Тульской епархіи;» или: «это измѣненіе, безъ сомнѣнія, коснулось и Тульской епархіи:» или, въ самомъ счастливомъ случаѣ, прибавлять: «мы знаемъ, что такъ было и въ Тульской епархіи; это видно изъ слѣдующей грамоты», и приводить грамоту Никона къ тульскому епископу о введеніи исправленныхъ книгъ или грамоту тульскаго епископа, свидѣтельствующую, что въ Тулѣ были около XV вѣка каменные церкви. Точно таково все содержаніе книгъ г. Карашевича. Заимствуя общіе обзоры о состояніи малорусской церкви изъ сочиненія преосвященнаго Филарета, преосвященнаго Макарія, изъ Бятыина-Каменскаго и т. д., онъ прибавляетъ на каждой страницѣ: «Это должно относиться и къ Волыни», а въ нѣкоторыхъ случаяхъ приводитъ какую нибудь выписку изъ «Актовъ Археографической Коммиссіи», я т. п.,—выписку, не говорящую намъ ровно ничего новаго и не содержащую ничего важнаго. Еслибъ г. Карашевичъ избралъ предметомъ своего разсужденія какой нибудь вопросъ, могущій быть предметомъ отдѣльнаго изслѣдованія, трудъ его, конечно, не остался бы безплоденъ для исторіи, какъ въ настоящемъ случаѣ.

Обзоръ главнѣйшихъ путешествій и географическихъ открытій въ пятилѣтїе съ 1848 по 1853 годъ, составленъ К. Θ. Свенске. Томъ первый. Стб. 1855.

Рядъ статей, которыя подъ этимъ заглавіемъ поимѣшалъ г. Свенске въ «Вѣстникъ Географическаго Общества,» давно уже оцѣненъ по достоинству и читателями и журналистами. Но по одной изъ наукъ мы еще не имѣли такого полного и дѣльнаго обзора новѣйшихъ открытій, какой былъ составленъ ученымъ авторомъ по географіи. Статьи эти теперь собраны въ одну книгу, и намъ нѣтъ надобности рекомендовать се публикѣ, которая уже отдала ей справедливость. Мы только пользуемся появленіемъ прекраснаго труда г. Свенске въ видѣ отдѣльнаго сборника, чтобы представить читателямъ бѣглый очеркъ успѣховъ географіи въ послѣднее время.

Обзоръ г. Свенске начинается ближайшими къ намъ странами. Чрезвычайно важныхъ предпріятій по составленію и исправленію картъ европейскихъ земель въ послѣдшіе годы было множество. Изъ нихъ назовемъ, въ Россіи: приведеніе къ концу русско-шведскаго измѣренія громадной дуги меридіана между Фугленесомъ въ Норвегіи и Измаиломъ, на пространствѣ 25°20'; опредѣленіе долготы Главной Пулковской Обсерваторіи отъ Гринича; изданіе «Межеваго Атласа Россійской Имперіи», начатое съ Тверской губерніи; «Этнографическая Карта Европейской Россіи», г. Кеппена; «Хозяйственно-Статистическая Атласъ Европейской Россіи», г. Веселовскаго; «Гидрографическое описаніе сѣвернаго берега Россіи», г. Рейнке; въ другихъ европейскихъ странахъ: большія топографическія карты Германіи на 359 и Сѣверной Германіи, Реймана и Эсфельда, на 200 листахъ; военная карта Франціи на 258 листахъ; большой атласъ Великобританіи и Ирландіи, въ масштабѣ 1 англійской мили 1 дюймъ; подробнѣйшіе топографическіе атласы главныхъ городовъ Англіи (атласъ Лондона будетъ состоять изъ 900 листовъ); большая топографическая карта Швеціи на 260 листахъ; подобныя же карты Голландіи, Бельгіи, Испаніи, Швейцаріи.

Изъ ученыхъ путешествій по Европѣ особенно важны—въ Россіи: Уральская экспедиція; путешествіе по сѣверной Россіи г. Шренка и покойнаго Кастрена; по Землѣ Донскихъ Казаковъ, г. Кеппена; по прибалтійскимъ провинціямъ, г. Бера; по берегамъ Чернаго моря, графа А. Уварова. Изъ описаній другихъ малоизвѣстныхъ европейскихъ странъ назовемъ: путешествія по Далмаціи и Черногоріи, Гарднера, Вилькинсона, Коля, Патона; по Сербіи, также Патона; по Норвегіи, Виттиха, Форестера; по Исландіи, Шлейснера; по Венгріи, Квициана, по Трансильваніи, де-Жерандо; по Испаніи, Уркуарта, Дондаст-Морри, Госкинса, Минутולי, Флейшера, Вилькома; по Сардиніи, Тинделя; по Греціи и Турціи, Росса, Курцуса, Обри-де-Вера, Риглера, Мэкферлена.

Переходя къ Азіи, замѣтимъ путешествія по Сибири покойнаго Кастрена, г. Миддендорфа, Эрмана; по Арменіи—Морияца Вагнера; по Малой Азіи—г. Чихачева, Росса; по Сиріи и Палестинѣ—Линча, Робинсона; по Аравіи—Лоттена де-Лавала, по Месопотаміи—Лейарда, Флетчера, Чесни; по Персіи—Вагнера, Фландена; по Бухарѣ—Леманна, по Тибету и вообще по ки-

тайской половики материка—Гюцлафа, Гюка и Габе; по странамъ между Остъ-Индію и Китаемъ—Стрэчи, Томпсона, Гукера; по Синду—Викери, по Заганскому полуострову—Гюцлафа; списокъ путешествій по Остъ-Индіи и въ Китай былъ бы слишкомъ длиненъ.

Точно также не будемъ перечислять путешествій по Алжиру, а изъ путешествій по Египту и Нубіи упомянемъ только о сочиненіяхъ русскихъ ученыхъ: г. Кювалевскаго и г. Рафаловича. Абиссинію изслѣдовали братья Аббади, Шмпер же; центральную Африку—Ребманъ, Крапфъ, Ливингстонъ, Гальтонъ, Кольвъ, Коммингъ, Ричардсонъ, Овервегъ, Варгъ, Праксъ, Кноблехеръ, шейхъ Мухаммедъ эль-Тунзи; португальскія владѣнія въ Африкѣ—Тамсъ, Бокарде; побережья Гвинеи и проч.—Галлеръ, Буэ-Вильоме, Форбъзъ. Геккаръ, Смитъ, Иръ-Пуль.

Авторъ дѣлаетъ подробныя и часто чрезвычайно интересныя извлечения изъ сочиненій этихъ и многихъ другихъ путешественниковъ, трудами которыхъ столь значительно распространены наши географическія и этнографическія свѣдѣнія.

Стихотворенія графини Ростопчиной. Томъ первый. Спб. 1856.

Самое непріятно и самое бесполезное дѣло на свѣтѣ—возставать противъ общепринятыхъ, укоренившихся мнѣній. Непріятно оно потому, что человѣкъ, отваживающійся противорѣчить всѣмъ, приобретаетъ себѣ множество противниковъ. «Какъ? ты хочешь быть провицательнѣе всѣхъ? Такъ, по твоему, мы всѣ ошибались? Да ты говоришь парадоксы, да ты говоришь явныя нелѣпости!» И, если прежде считали этого человѣка неглупымъ, онъ компрометируетъ репутацію своего ума, даже своего здраваго смысла. Легко бы ему перенести эту непріятность, если бы его отважное противорѣчіе общему убѣжденію принесло хотя малѣйшую пользу тому дѣлу, которое онъ рѣшился защищать, еслибы онъ убѣдилъ хотя немногихъ въ истинѣ того оригинальнаго мнѣнія, которое онъ считаетъ справедливымъ. Но нѣтъ, никого не убѣдитъ онъ: всѣ до одного читателя согласно рѣшатъ, что онъ странно, непростительно ошибается, и если произведетъ его смѣлое возстаніе противъ общепринятыхъ сужденій какое нибудь дѣйствіе, то развѣ только утвердитъ публику еще болѣе прежняго въ старыхъ мнѣніяхъ.

Эти слова достаточно убѣдятъ каждаго читателя, что мы очень хорошо чувствуемъ трудность и опасность борьбы съ закоснѣлыми предразсудками. Но иногда эти предразсудки бывають столь очевидно неосновательны, столь несообразны съ несомнѣнными фактами, что самый осторожный и робкій человѣкъ увлекается мыслью: «эти призраки мнѣній держатся только потому, что ничья рука до нихъ не дотрогивалась; самое легкое прикосновеніе здраваго смысла «низвергнетъ, разсыплетъ въ пыль и прахъ эти живые фантомы!» Бывають, говоримъ мы, случаи, когда нелѣпость прежняго мнѣнія, правота новаго столь очевидны, что борьба противъ самообольщенія публики представляется очень легкою и обѣщаетъ быть успѣшною. Къ небольшому числу такихъ случаевъ, безспорно, принадлежитъ вопросъ о существенномъ характерѣ, внутреннемъ смыслѣ, задушевной идеѣ,—однимъ словомъ о паосѣ стихотвореній нашей